

это дело вряд ли послужит, в глазах начальства, украшением романа. Ну, и мы решили: дадим половину сейчас, а буде ситуация улучшится — доберемся и до второй половины. Вот как это было. Еще за полгода до публикации.

- **То есть, в самом начале 1988 года...**

- Вероятно, если вы уверены, что это был 1988 год. Да, но когда началась публикация, уже было ясно, что мы сделали глупость, что, конечно же, надо было давать целиком. То есть, тут уже было ясно, что наступило серьезное послабление. Это, значит, конец 1988 года — начало 1989-го. И все же, если подумать, то коренным переломом стал Первый съезд народных депутатов СССР. Вот там, на этом съезде началась совершенно новая история, именно там. Сахаров на трибуне! Пикировки его с Михаилом Сергеевичем. Зал, рычащий на Сахарова. Первые выступления Афанасьева, Карякина. На весь Советский Союз произносятся слова, которые были абсолютно немыслимы, - ну, скажем, что Ленина нужно убрать из Мавзолея... Съезд — это был коренной перелом. До этого была просто вторая оттепель и более ничего. Вторая оттепель — я такое уже видел.

- **То есть, вы и вели себя сообразно с пониманием ситуации. Я сочинил, кажется, в 1987 году статью «Оттепель номер 2», и, помню, меня в те поры смутило интервью, данное Аркадием Натановичем «Книжному обозрению»...**

- Это была оттепель, Миша. Читайте, что это был 1959 год, когда, с одной стороны, появляется статья «Об искренности», с другой стороны, печатается очерк «Вокруг да около», а с третьей стороны - редакцию «Невы» за этот очерк разгоняют. Вот такая ситуация была в 1987 году. Облегчение несомненное. Послабление. Но куда повернется? Сказать очень трудно. Это были годы, когда мне и в голову не пришел бы вопрос: то, что происходит, — обратимо или нет? Да, конечно же, обратимо! И не только обратимо, а обязательно обернется. Вот какое было время.

- **«И Комитет госбезопасности припомнит наши имена...»**

- Естественно. А вот Первый съезд, это была уже та веха, мне кажется, когда мы поняли: это не просто оттепель, не просто некое послабление при смене власти, мы осознали, что происходит нечто действительно очень серьезное. Непонятно — почему. Непонятно — зачем это начальству понадобилось. Но уже происходят такие события, о которых можно задать вопрос — обратимо или нет? Тогда вот впервые появился вопрос: обратимо то, что происходит, или, может быть, черт возьми, уже и нет. Откровенно говоря, такого стопроцентного ясного ответа на этот вопрос нельзя дать и сегодня. Но очевидно одно, что сегодня обратит ситуацию можно только ценой крови. А вот в те годы, чтобы обратит ситуацию — и мы об этом тогда писали, по-моему, в «Огоньке» — можно было просто сместить нескольких редакторов центральных газет и журналов. И все...

- **Остальные бы сами все поняли.**

- Конечно. А сейчас уже нет. Сейчас ситуацию можно обратит, но только ценой крови. И непонятно — решится начальство на большую кровь или нет. В Литве не решились.

- **Вы знаете, вероятно, что с нашей, так сказать, стороны оптимистов было даже побольше, чем с вашей. Они уже в 87-м году расшаркивались и порты Горби в Париже развешивали. Но были и трезвые люди. Как есть и сейчас. Многие и сейчас полагают, что все обратимо... Точнее, речь не о том — обратимо-необратимо, а о том, что начальство своего не упустит: будет ли оно называться коммунистическим или каким еще, но оно застопорит движение, когда почувствует, что оно лично, то есть — они лично теряют контроль, власть, паек... Остановит, манипулируя...**

- Миша, вопрос номер один — сохраняется ли свобода информации. Это вопрос, на который надо дать ответ, и все остальное само собой определится. До тех пор, пока сохраняется нынешний уро-

Фотопортрет Бориса Стругацкого работы Михаила Лемхина © Михаил Лемхин, 1991 г.

вень, сегодняшний уровень свободы информации, до тех пор все остальное будет нормально. Понимаете? Только об этом нужно думать! Не об этой хреновой рыночной экономике и не о том, кто приватизирует. Компартия, понимаете ли, приватизирует или тетя Мотя приватизирует. Это вопрос номер семь. А вопрос номер один — сохраняется ли свобода информации? Сохраняется хотя бы формально независимая пресса или нет?

- **Что такое свобода информации? Скажем, то, что происходит в маленьких городках, разве можно сравнить с Ленинградом или Москвой?**

- А и не надо сравнивать. Кого интересуется, извините, если мы говорим об исторических преобразованиях, кого интересуется состояние маленьких городков.

- **Там живет большая часть населения.**

- А кого интересуется большая часть населения, Миша? Когда в России что решала большая часть населения? И не только в России. Когда в истории что бы то ни было решалось большей частью населения? В истории вообще и в России в частности решает не большая часть населения, а более активная часть населения.

- **Ну, хорошо, в Москве и в Ленинграде то, что вы называете свободой информации, более или менее присутствует. Хотя в скобках замечу, что в Москве, например, никто ничего не знает про ленинградские газеты.**

- Золотко мое, Миша, да как сейчас ограничить свободу информации, когда вот ящик стоит в каждом доме, и, если у тебя хоть какое-то, хоть микроскопическое желание есть, ты можешь непрерывно смотреть альтернативное телевидение и слушать альтернативное радио. И дело ведь не только в том, что происходит в Москве и в Ленинграде. Ситуация коренным образом отличается тем, что, кроме Москвы и Ленинграда, существуют Киев, Вильнюс, Тбилиси. Понимаете, в чем дело?

- **Я провел в Киеве неделю. Там, между прочим, мало кого интересует не только ленинградская, но и московская пресса.**

- И не надо. У них свои дела, Миша. Вот это и замечательно! Тоталитаризм рухнул — у всех появились свои дела.

- **Пятого июля — у нас в этот день открывалась выставка, потому я запомнил дату — Горбачев встречался в Киеве с Колем. И весь день на Крещатике у памятника Ленину стояла толпа, тысячи две, как минимум, сплакатыми, почему-то по-английски: «Gorbachev Go Home».**

- Это замечательно. Мне в голову не пришло, что такой вопрос может возникнуть, а между прочим, элементарная логика должна была бы к этому привести — чего это ради Горбачев встречается с Колем под Киевом? В чем дело? Хочешь с Колем встречаться, у тебя там Москва есть! В чем дело, чего ты к нам лезешь? Это принципиальное изменение. Империя рухнула, Миша, вы понимаете, в чем дело, империя рухнула со всеми своими онерами. Ну, если не рухнула, то, по крайней мере, рушится, будем говорить так. И вернуть ее в рамки, загнать в прежнее состояние можно только силой оружия. Никаких других сил нет. Никакой идеологии нет, которая бы поддержала империю. Нет имперской идеологии в реальности, вы понимаете, она существует только в мозгах отдельных Невзоровых.

- **Борис Натанович, вы меня убеждаете, а я ведь так же смотрю на это. Но мне кажется, что начальство может решиться — правильное сказать: еще имеет возможность решиться — на какие-то резкие действия.**

- Что вы имеете в виду, Миша? Танки ввести? Да. Так этого и я не отрицаю. Ну, Миша, поймите, вот маленький эксперимент — Литва, 13 января. В Литве должен был произойти возврат советской власти... Сейчас уже раскрываются карты, но и тогда было ясно, что происходит. Это было очевидно — попытка

литовской компартии вернуть власть в свои руки. Не вернули. Почему? Псковская дивизия стояла там на подхвате. В чем дело? Прислали туда, как выясняется, кагебешников целую банду. Почему не получилось? Единственная причина, единственная: для того, чтобы осуществить замысел, надо было уничтожить не пятнадцать человек, а надо было уничтожить, как минимум, сто пятьдесят, а желательно тысячу пятьсот. Вокруг парламента стояла пятидесятитысячная толпа, и надо ее было раздавить — и вопрос был бы решен. В 62-м году на секунду бы не задумались это сделать. А в 91-м — задумались. Не рискнули, вы понимаете. Это непонятно мне — мне, воспитанному в тоталитарной системе, мне непонятно. Но, видимо, не только у нас, интеллигенции, мозги меняются со временем, у номенклатуры они тоже меняются. Номенклатура уже не та, что была раньше. Миша, это надо принимать как данность. Это не рассуждения наши, это факт. Факт. Не готовы они уже любой ценой вернуть империю назад.

- **Может быть, потому что не готовы к крови. А может быть, потому что они боятся разрыва с Западом. Но Запад готов их прощать. Здесь баланс. Они...**

- Миша, кто они?

- **Хозяева.**

- У нас несколько хозяев сейчас. Вы что, не заметили этого? По вашему, что — Крючков и Горбачев это одно и то же?

- **По-моему, Крючков и Горбачев, и Язов — это одно и то же.**

- Нет. Это противоречит тому, что мы наблюдаем на протяжении всего 91-го года.

- **Во всяком случае, в некоем приближении это одно и то же: это те, кто хочет удержать коммунистическую власть.**

- Нет, так ставить вопрос нельзя. Удержать власть хотят все: левые, правые, левый центр, правый центр, центральный центр... Все хотят удержать власть. Вопрос только — с какой целью они хотят удержать власть.

- **Ну, какая власть у пятисот депутатов Ленсовета — болтать с трибуны?**

- Оставим в покое Ленсовет, но я знаю, какая власть у Ельцина. И я знаю, что он единственный человек в стране, в России, скажем, который может бросить клич: «Народ, на улицы!» - и народ выйдет. Горбачев сейчас бросит клич, и никто ни хрена не выйдет, кроме, может быть, демократического крыла КПСС. А вот Ельцин может вывести на улицы миллион человек в Москве и полмиллиона в Ленинграде, и полмиллиона в Свердловске.

- **Вы, наверное, правы, но это власть противовеса. Те, кто держит власть, должны так или иначе соотносить свои поступки с ельцинской группой. В этом смысле Ельцин имеет власть. Но он конструктивной власти не имеет. Он может не позволить сделать чего-то, но не может сам сделать ничего.**

- Миша, я с этим и не спорю, я просто хочу сказать, что власть, та или иная власть, есть у всех. У Ельцина и Демроссии своя власть — власть улицы, скажем так. У Пуго, Крючкова и Язова — своя власть, власть оружия, будем так называть. А у Михаила Сергеевича — своя власть, власть аппарата. Причем, в этой ситуации минимальная власть, как мне кажется, у Горбачева. Минимальная. У нас очень тяжелое правое крыло, очень тяжелое левое крыло и почти невесомый центр. И в этих условиях Михаил Сергеевич болтается от левых к правым — в зависимости от того, кто сильнее. Я помню, пару лет назад я прочитал статью какого-то иностранца, который утверждал, что Михаил Сергеевич идеальный центрист: когда усиливается правое крыло — он переходит к левым, когда усиливается левое крыло — он переходит к правым. И таким образом ведет нас к сияющим высотам. Мне даже показалось это правильным. Но я очень быстро понял, что автор ошибся с точностью до наоборот. Михаил Сергеевич всегда с теми, кто сильнее. Сильнее правые - он с правыми. Сильнее левые — он с левыми. Сейчас сильнее левые - и он с левыми.